

снисхождении, которого я прошу у вас в благодарность за мое чистосердечное стремление быть вашим вечным слугой.

На это скорбная, изнемогающая от грусти и сострадания принцесса (для которой исповедь ее несчастного губителя стала целительным елеем) отвечала, крепко его обнимая;

– О дорогой друг, неужели вам кажется, что меня мало терзает моя жестокая болезнь? Нужно ли наносить мне еще один удар и усугублять мои мучения зрелищем вашей незаслуженной казни? Не требуйте от меня согласия на это, и я умру довольной и счастливой. Ибо если я и вправе роптать на судьбу, обрекшую меня во цвете лет на столь печальную кончину, то, с другой стороны, мне есть и за что благодарить небо: ведь оно своей милостью и благоволением сократило долгие страдания, уготованные мне любовью, да еще и подало мне исцеление чрез того, кто был причиной моего недуга. Недаром мудрый Аполлоний⁴⁹⁸ на вопрос, как лучше наказать влюбленного, отвечал, что следует сохранить ему жизнь. Ах! Близок миг моего освобождения и радостного перехода в иное бытие: поэтому я признаюсь, мой Алегр, что ваша красота и редкая доблесть зажгли в моем слабом сердце чистую и благородную любовь, и она изо дня в день подтачивала мои жизненные силы. Яд же, который сожжет меня другим огнем, как мне кажется, возымел жалость к моему плачевному состоянию. Разве он не спас меня от великой муки? Вот почему, друг мой, я заклиная вас тем несравненным чувством, которое хранила и буду хранить вечно, если только в новой жизни блаженные души помнят о том, что на земле им было дороже всего, и если любовь не погребает вместе с телом; я прошу вас последней просьбой, или, коль и впрямь я располагаю властью, какую вы мне некогда предоставили, повелеваю вам (под страхом, что я признаю вас непокорным и неверным слугой): живите счастливо и весело, ибо я, не имея причин роптать, прощаю вам от чистого сердца мою смерть, в которой вы несколько не виноваты, и соглашаюсь на то, чтобы другая, более удачливая девушка насладились благом, предназначавшимся мне одной, – с тем, что вы не забудете меня, ожидающую вас в лучшем месте, так как этот мир не дал свершиться нашим чистым желаниям. Не посягайте же столь безрассудно на свою жизнь, если не хотите разрушить наш священный союз, хранителем которого вы остаетесь согласно моему завещанию и последней воле. И, уверясь, что этого не случится, я с радостью пойду навстречу смерти, которая была ко мне весьма милостива, позволив так долго с вами прощаться и беспечально кончить жизнь в ваших объятиях.

Тем временем любовь, не желавшая сдаваться, употребила последние силы и, подвергнув душу рыцаря яростной осаде, привела его наконец к славному торжеству одоления всех его несчастий. Ибо, как челн, сотрясаемый неистовыми ветрами и бушующими волнами, лишь до поры стремительно убегает от опасностей, с отвагой обреченного. Удерживаясь на вздымающихся пенных гребнях, а затем налетает на скалу и разбивается в щепки, – точно так же скорбное сердце д'Алегра, смертельно раненное мыслью, что он стал орудием гибели той, в ком заключалась вся радость его жизни, окончательно сокрушила тоска, внушенная грустными жалобами его несчастной возлюбленной, которая заливалась горьким плачем, словно лебедь, оглашающий берега родной реки томной предсмертной песнью. И сраженный противоборствующими чувствами, он, уподобясь военачальнику, который, выдержав суровую осаду, на не получив никакой помощи, наконец сдает крепость, был вынужден уступить превосходящей силе врага и отдать свое тело победительнице-смерти. И принцесса, неволью исторгнувшая своими пылкими сетованиями душу бедного влюбленного, внезапно, глубоко изумясь, увидела, что он, окоченевший и бледный, застыл в ее объятиях, как дитя, усыпленное пением кормилицы. Когда пушка не может изрыгнуть пламя и железо, заключенные в ее утробе, она взрывается и разлетается на части; такова же была славная кончина нашего француза, который не вынес страданий, переполнявших его сердце.

О блаженный любовник, доказавший величие своего чувства этим бескровным жертвоприношением! Да сияет твоя воспарившая на третье небо душа между звездами самых знаменитых влюбленных!

Но кто мог бы – не говорю описать – вообразить ту боль, какую испытала потрясенная принцесса, ощутив на своих прелестных устах холод тела, уже заплатившего последнюю дань природе? Долго пребывала она в оцепенении, а когда пришла в себя, то опустила наземь и, не отрывая взора от склонившейся ей на колени головы возлюбленного – теперь являвшей лишь слепок его

⁴⁹⁸ Здесь комментаторы колеблются между пифагорийцем Аполлонием Тианским и стоиком Аполлонием Эвбейским, учителем Марка Аврелия.